
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

О.А. Назарова

ВЕНСКИЙ КРУЖОК И ВИТГЕНШТЕЙН

Статья развеивает сложившееся в отечественной философской литературе представление об истории одного из важнейших направлений философской мысли XX в. – логического позитивизма, или научного эмпиризма. В частности, ставится под сомнение категоричное утверждение о влиянии «Трактата» Витгенштейна на миропонимание и деятельность Венского кружка. Напротив, утверждается, что именно анализ афоризмов «Трактата», проделанный Венским кружком, и сделал этот текст понятным и известным мировому философскому сообществу как концепция Витгенштейна.

1

В отечественной философской литературе сложилось весьма упрощенное представление об истории одного из важнейших направлений философской мысли XX в. – логического позитивизма, или научного эмпиризма. Коротко его можно было бы изложить следующим образом: профессор М. Шлик и его студенты – Венский кружок – в середине 1920-х гг. прочитали «Логико-философский трактат» (1921 г.) австрийского философа Л. Витгенштейна, в котором он опирался на логическую систему, построенную Б. Расселом и А. Уайтхедом, попали под влияние идей, высказанных в «Трактате», и стали разрабатывать их.

Первая глава в классической работе В.С. Швырева имеет заголовок: «Доктрина Рассела – Витгенштейна — основа воззрений Венского кружка». Далее читаем: «Специфика логического позитивизма Венского кружка состоит в соединении позитивистской философии с методом формально-логического анализа знания... Этим логический позитивизм в *наибольшей мере* (курсив мой. – О.Н.) обязан идеям «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна»¹

М.С. Козлова в 1994 г. пишет: «“Логико-философский трактат”... в 1921 году был опубликован на немецком языке, в 1922 году в Лондоне... с параллельными немецко-английскими текстами и предисловием Рассела. Выход труда вызвал широкую дискуссию, но автор не принял в ней участия. Разработку идей “Трактата”, истолкованных в позитивистском ключе, взяли на себя философы Венского кружка. Витгенштейн отнесся к этому безучастно... В 1927 году... он иногда встречался с членами Венского кружка. Беседы с ними выявили заметное расхождение их взглядов с концепцией Витгенштейна, которого они считали своим *идейным вдохновителем* (курсив мой. – О.Н.), единомышленником»².

А.Л. Никифоров увлекательно и эмоционально развивает эту же версию: «С изучения именно этой тоненькой (меньше 100 страниц) книжки Витген-

штейна и начали (курсив мой. – О.Н.) свои философские штудии члены Венского кружка. Она произвела на них завораживающее впечатление»³.

По словам А.Ф. Грязнова: «...афоризмы Витгенштейна оказали наибольшее влияние на «антиметафизическую» программу неопозитивистов Венского кружка, которые *постарались превратить «Трактат» в настоящую библию своего движения* (курсив мой. – О.Н.)». «Логико-философский трактат» стал рассматриваться членами Венского кружка в качестве главного, программного текста»⁴.

Сегодня можно сказать, что на самом деле история Венского кружка и научного эмпиризма – это другая история, и вопрос влияния Витгенштейна на Венский кружок, которое лишь констатируется, требует специального изучения.

2

Венский кружок не возник внезапно как кружок аспирантов Шлика⁵. Традиция научно-эмпирической философии была принесена в Вену *физиком-философом* Эрнстом Махом (1838–1916). В 1883 г. Мах опубликовал свое знаменитое историко-критическое исследование «Механика в ее историческом развитии», содержащее критику классической ньютоновской физики и заложившее основы новой физики, в частности теории относительности. В 1895 г. Мах был приглашен в Венский университет возглавить специально созданную для него кафедру философии, точнее «истории и теории индуктивных наук». Это событие стало возможным в благоприятный краткий период единства политических сил в Австрии и благодаря помощи Теодора и Генриха Гомперцов внутри университета, преодолевших серьезное сопротивление религиозно мыслящих преподавателей. В 1900 г. и в 1905 г. Махом были опубликованы философско-психологические труды «Анализ ощущений» и «Познание и заблуждение»⁶, представившие теорию эмпириокритицизма, ставшую единственной научно-философской концепцией конца XIX – начала XX в. и получившую в той или иной мере признание практически всех физиков и естествоиспытателей.

После ухода Маха на пенсию в 1902 г. его сменил на кафедре Людвиг Больцман (1844–1906), затем Фридрих Йодль (1849–1914) и Адольф Штёр (1855–1921).

В 1907 г. группа молодых докторов наук в основных областях науки – физике, математике и социальных науках, наиболее значительные фигуры из которых математик и логик Ганс Ган (1879–1934), физик Филипп Франк (1884–1966), социолог и экономист Отто Нейрат (1882–1945) и профессор прикладной математики Рихард фон Мизес (1883–1953), встречались в Центральном кафе Вены вечером по четвергам для обсуждения в основном проблем философии науки. Отправной точкой их дискуссий был позитивизм Э. Маха, совершенно обновленный вариант позитивистской философии О. Конта и Дж.С. Милля. Молодые люди получили образование в университетах Вены, Берлина, Страсбурга, Мюнхена и Гёттингена под руководством, в частности, Л. Больцмана, Д. Гильберта, Ф. Клейна и Г. Минковского. Начиная с 1903–1908 гг. их статьи регулярно публикуются в ведущих профес-

сиональных журналах, таких как «Ежемесячник по математике и физике», журнал Академии наук Австрии, и «Энциклопедии математических наук» Германии, Ежегоднике философского общества Венского университета, журнале Вильгельма Освальда «Исследования по натуральной философии», «Журнале по математике и физике». О. Нейрат практически каждый год публикует в Австрии и Германии статьи и книги по социальной, экономической и философской тематике.

Усилиями всех этих ученых в стенах Венского университета поддерживалась, несмотря на катаклизмы Первой мировой войны, распад Австрийской империи и европейские социальные революции, традиция научно-эмпирической, критичной философии.

В 1921 г. умер А. Штёр, и кафедра натуральной философии Э. Маха и Л. Больцмана осталась без руководства. Ган, действовавший как организатор и в довоенное, и в послевоенное время, стал бороться за назначение Морица Шлика на должность профессора кафедры натуральной философии. Несмотря на значительное сопротивление, его усилия оказались успешными, и в 1922 г. Шлик стал преемником Маха и Больцмана.

Сразу после приезда Шлика по инициативе Г. Гана, О. Нейрата, его жены О. Ган-Нейрат, В. Крафта, теоретика-правоведа Ф. Кауфмана и математика К. Рейдемайстера были снова организованы неформальные дискуссии по четвергам вечером в Математическом институте на Больцмангассе, 5 в девятом округе Вены. Сам же Шлик организовал неформальную дискуссионную группу из математиков, обсуждавших его хорошо посещаемые лекции. Осенью 1924 г. студенты Шлика Ф. Вайсман и Г. Фейгль предложили своему учителю организовать в качестве продолжения этих неформальных встреч постоянный «вечерний кружок» вместе с Г. Ганом.

Таким образом, семинары Шлика явились естественным продолжением старой традиции, возникшей в Вене в начале XX в., и участниками семинаров стали не только студенты и аспиранты, а прежде всего зрелые ученые. Удивительно, что продолжение получила также традиция встречаться вечером по четвергам и что на сей раз встречи расширившегося круга единомышленников, к которому теперь принадлежали люди разных возрастов, полов, национальностей и научных интересов, продолжались двенадцать лет подряд! — вплоть до следующей мировой войны.

3

Становление идей нового философского направления, представленного позже Венским кружком, их своеобразное единство начало выстраиваться уже с конца XIX в. Решающую роль в этом процессе сыграли эмпиризм и антиметафизические идеи Эрнста Маха. Самое плодотворное влияние на физиков оказал метод, продемонстрированный Махом в «Механике»: вне каких-либо опытных данных и посредством лишь скрупулезных критических рассуждений он подверг критике ньютоновские понятия абсолютного пространства, времени и движения, подготовив тем самым почву для фундаментальной идеи относительности, поставив вопрос об основаниях физики как науки, о смысле ее основополагающих понятий, а также о том, кто может дать ответ на эти вопросы ученых. Мах выдвинул требование (в «Познании

и заблуждении») допускать в физической науке лишь строго поддающиеся наблюдению величины и исключать из нее «бесмысленные», т.е. не проверяемые опытом [подобные кантовским априори], понятия, а также открытия логических взаимосвязей посредством согласования мыслей, понятий.

Вторым необходимым элементом нового миропонимания стали конвенционализм французского математика Анри Пуанкаре и идеи немецкого математика Давида Гильберта, а третьим – новейшие революционные открытия в физике и естествознании в целом начала XX в.

В 1907 г. в журнале Вильгельма Освальда «Исследования по натуральной философии» была опубликована первая статья Ф. Франка «Закон причинности и опыт», которая представляла собой результат обсуждения участниками Венского протокружка, стремившимися решить проблему взаимоотношений науки и философии, возникшую на фоне «кризиса естествознания» начала века, в которой он попытался объединить теории Маха и Пуанкаре:

В двух словах, согласно Маху основные принципы науки представляют собой сокращенные экономичные описания наблюдаемых фактов; согласно Пуанкаре, они являются свободными созданиями человеческого ума и ничего не говорят о наблюдаемых фактах. Попытка объединить эти две точки зрения в одну последовательную систему стала началом того, что впоследствии получило название «логический эмпиризм».

Именно Ф. Франк как физик первым привлек внимание к важности теории относительности для знания в целом:

В этой теории Эйнштейн вывел законы движения и законы гравитационного поля из общих и абстрактных принципов: принципов эквивалентности и относительности. Его принципы и законы представляли собой взаимосвязи между абстрактными символами: общими пространственно-временными координатами и десятью потенциалами гравитационного поля. Эта теория явила собой великолепный пример способа построения научной теории в соответствии с идеями нового позитивизма. Символическая, или структурная, система, оточенная и строго отделенная от фактов наблюдения, которые она должна объяснить. Эта система должна была быть интерпретирована, нужно было предсказать факты наблюдения и проверить эти предсказания наблюдением. Существуют три конкретных факта наблюдения, которые были предсказаны: отклонение световых лучей, красное смещение спектральных линий и смещение перигелия Меркурия⁷.

Если Мах и Эйнштейн поставили вопрос об основаниях физики, то австрийский математик Готтлоб Фреге в конце XIX в. поставил вопрос об основаниях математики и предложил логику в качестве такого основания.

В 1910–1913 гг. вышла в свет «Principia Mathematica» Рассела и Уайтхеда, и новейшие исследования в области *логики* и анализа действительности, подготовленные Фреге, Пеано, Гильбертом и др., обрели международное признание и стали четвертым необходимым элементом нового миропонимания.

Итак, маховская методология и эмпиризм, формальная логика и аксиоматика, конвенционализм Пуанкаре, новейшие достижения физики сформировали новое научное миропонимание довоенного Венского кружка. Новым стало также то, что кружок 1907 г. возник и существовал как объединение специалистов в разных областях знания; идеи обсуждались коллективно

в ходе междисциплинарных дискуссий. Этот коллективный и междисциплинарный характер исследований стал отличительной чертой и Венского кружка Шлика.

4

Таким образом, уже до 1914 г. у лидеров протокружка Франка, Гана, Нейрата и фон Мизеса сформировалась эмпиристская, антиметафизическая позиция, и они смогли сформулировать основные идеи нового миропонимания:

1. Революция в естествознании показала, что наука нуждается в прочном – эмпирическом – фундаменте.

Именно Франк переосмыслил результаты создания квантовой теории и открытия теории относительности в свете методологии Маха. Стало ясно, что физика должна самостоятельно упорядочить свои идеи и не обращаться за помощью к философам. Вполне вероятно, что великие философы были также серьезными учеными и оказывали положительное влияние на развитие науки, но *чистые философы* начала XX в. не могли сказать физикам ничего полезного. Они не смогли бы объяснить ученым, практикам от науки, смысл понятий, используемых в науке. Основная работы должна осуществляться *внутри науки* как в отношении анализа понятий, так и в отношении всего остального.

2. Современная философия – метафизика – должна быть отброшена.

3. Наука сама должна найти средства для обоснования своей достоверности. Задача физики – помочь ей в этом.

4. Средством преодоления кризиса являются логика и непосредственный опыт.

Математик Г. Ган сыграл решающую роль в восприятии членами кружка идей формальной логики – от Фреге до Рассела и Уайтхеда – в качестве конституирующего элемента нового позитивизма. Главной в логико-научных дискуссиях о будущем науки стала проблема языка науки, и постепенно возник союз между представителями различных дисциплин.

5

Как отмечалось выше, продолжение довоенных дискуссий стало возможным лишь в 1922 г. и после назначения на кафедру Э. Маха Венского университета физика-философа Морица Шлика, получившего также серьезное логическое образование⁸. В межвоенное время Шлик разрабатывал реформу философии на фоне происходящей в естествознании революции. Шлик познакомился с А. Эйнштейном и первым дал философское осмысление теории относительности в своей книге «Пространство и время в современной физике» (Берлин, 1917). В 1918 г. Шлик представил теорию познания, строго ориентированную на эмпиризм, в своей книге «Общая теория познания», 1918 г. (2-е изд. Вена, 1925). Эта книга стала первой в серии выдающихся монографий по естествознанию, опубликованных издательством «Шпрингер», Берлин, и достойным продолжением публикаций Маха, Гельмгольца, Больцмана и Пуанкаре, посвященных эпистемологии и воззрениям современного естествознания. Примечательно, что в 1920 г. в этой же серии

вышла в свет книга Г. Рейхенбаха «Теория относительности и априорное познание».

На вечерних семинарах, во-первых, продолжалось обсуждение идей Маха; во-вторых, Ган вел для участников специальный дополнительный курс, посвященный основным идеям важнейшей работы Рассела и Уайтхеда «Principia Mathematica». По словам Фейгля, «Ган решил для нас невероятно трудную, мало кому доступную, задачу: он извлек философский смысл из этого настоящего “кладбища формул”. Я до сих пор помню, как Ган, вооруженный указкой, указывает на формулы, красиво расположенные на множестве классных досок в Математическом институте»⁹.

В 1924–1925 г. Курт Рейдемайстер сделал доклад о «Логико-философском трактате» Витгенштейна, чем привлек внимание к этой работе Г. Гана. Изначально Ган (и не он один) проигнорировал (об этом свидетельствует и К. Менгер) «Трактат», опубликованный на немецком языке в 1921 г. Действительно, автором книги был сельский учитель, полтора года прочувший философию в Кембридже¹⁰. Как вспоминает Фейгль, «так случилось, что в 1922 г. я читал эту работу в Национальной библиотеке Вены. Должен признаться, что, хотя на меня произвело сильное впечатление то, что я смог понять в этой афористичной и таинственной (сгуптиc) работе, я вскоре перестал о ней думать как о продукте эксцентричного, хотя и несомненно блестящего, ума». В одном из своих интервью Фейгль уточняет: «...в то время я был очень молодым студентом и перестал думать о Витгенштейне как о наиболее занятой смеси интуитивного гения и шизофреника»¹¹.

Однако в 1922 г. книга под названием «Tractatus Logico-Philosophicus» вышла в свет в переводе на английский язык и с предисловием Рассела – несомненного авторитета для участников семинара Шлика.

После доклада Рейдемайстера Г. Ган представил обзор «Трактата» Витгенштейна как наиболее важного вклада в философию и логику со времени Рассела, фундаментального текста, объясняющего роль логики. Участники семинара Шлика, наиболее активными среди которых были Ган, Шлик, Нейрат и Рейдемайстер, читали и обсуждали «Трактат» («Logisch-Philosophische Abhandlung») Витгенштейна на немецком.

Летом 1924 г. Г. Рейхенбах передал Р. Карнапу предложение Шлика работать в Вене. В то время Шлик и Ган обсуждали обе эти кандидатуры на место приват-доцента по философии. Г. Рейхенбах и Р. Карнап – молодые, талантливые, продуктивные ученые – получили примерно одинаковое образование в области математики, физики, логики и эпистемологии. Оба имели особый интерес к философии пространства, времени и понятию относительности¹². Карнап, будучи студентом Г. Фреге в Университете Йены, в особенности интересовался формально-логическими проблемами и методами, в то время как Рейхенбах занимался больше философией физики (в некоторых своих ранних работах он исследовал и теорию вероятности, в которую позже оба – Рейхенбах и Карнап – внесли существенный вклад).

Решающую роль в том, что Карнап получил место в Венском университете, сыграл Г. Ган, поскольку он был уверен, что тот сможет развить эпистемологическую программу Рассела, представленную, например, в «Нашем познании внешнего мира», и Маха. Действительно, в 1925 г. некоторые

из участников семинара в Вене читали большую рукопись Карнапа, которая тогда называлась «Konstitutionssystem der Begriffe» («Система конструирования [эмпирических] понятий»). В этой выдающейся работе, опубликованной в 1928 г. под заголовком, который предложил Шлик, – «Логическое построение мира» – Карнап предпринял попытку логической реконструкции понятий эмпирического знания¹³. Логическая форма этой реконструкции, по сути, представляла собой символическую логику Рассела – Уайтхеда. В «Principia Mathematica» Рассел и Уайтхед попытались показать, что все понятия чистой математики могут быть введены посредством последовательных определений на основе понятий модернизированной логики. Карнап сходным образом предпринял попытку конструирования системы основных научных понятий посредством установления логических взаимосвязей между маховскими «элементами», т.е. элементами, принадлежащими непосредственному опыту. Это было реальное воплощение исходных установок маховского позитивизма и блестящее применение средств современной логики к некоторым давним проблемам эпистемологии. Отметим также, что в 1926 г. в Карлсруе Карнап опубликовал книгу «Physikalische Begriffsbildung» («Построение физикалистских понятий»).

Таким образом, члены шликковского семинара практически одновременно – в начале 1925 г. – познакомились с «Логическим построением мира» Карнапа и «Логико-философским трактатом» Витгенштейна.

По словам Нейрата, с помощью Карнапа был сделан *главный* шаг во внутреннем развитии Венского кружка: он однозначно поместил в центр концепции научного миропонимания проблему научного языка и представил современную логику как основной инструмент этой концепции. Книга Р. Карнапа «Логическое построение мира» активно и подробно обсуждалась членами Венского кружка с 1926 по 1928 г., что отражено в первом томе журнала «Erkenntnis» («Познание»).

Во время первого года своей работы в Вене (1926) Карнап настоял на систематическом изучении «Трактата» Витгенштейна. Он и руководил этими вторыми чтениями¹⁴. По словам Карнапа, «в Венском кружке значительная часть книги Л. Витгенштейна «Tractatus Logico-Philosophicus» читалась вслух и обсуждалась предложение за предложением. Часто требовались долгие размышления для того, чтобы понять, что же имелось в виду. Подчас мы не находили никакой ясной интерпретации. И все же мы многое поняли в нем и живо обсуждали то, что поняли»¹⁵. По словам Нейрата, «эта работа помогла открыть отсутствие смысла в метафизических высказываниях. С одной стороны, “Трактат” вводил определенного рода метафизику или даже теологию, с другой – он опирался на традиции, придававшие особенную важность анализу языка для критики философии. Венский кружок приложил немало усилий для того, чтобы извлечь логическое ядро из “Трактата”, столь высоко оцененного Расселом, чтобы освободить его из метафизического конверта. Непосредственным результатом стали очень ценные идеи, в частности, что логику нужно рассматривать как синтаксис языка. Логика и математика создают аналитические высказывания, “тавтологии”, необходимые для науки, чтобы преобразовывать предложения о реальности. Невозможно было избежать возражений, высказанных в Венском кружке против метафизику

Витгенштейна; многие из его тезисов не встретили всеобщего одобрения, но никто не отказывался, в свою очередь, от анализа таких вопросов, как “Как отличить ‘философские’ высказывания, ‘логические’ высказывания и ‘научные высказывания о реальности’?”. Сам Витгенштейн отбросил “высказывания о высказываниях”, поместив их в промежуточную область “поясняющих указаний”, просто выражаемых или как не имеющих смысла, внутреннее изучение, более глубокое, проведенное участниками кружка, включило и “высказывания о высказываниях” в язык науки. Стало ясным, что логика и наука о реальности представляют собой систему правильно построенных, осмысленных предложений определенной формы. Таким образом мы получили *последний элемент* (курсив мой. – О.Н.), отсутствующий в логическом эмпиризме, для того, чтобы стать четко сформулированной эмпирической концепцией. Больше не было предубеждений против логики»¹⁶.

Итак, «Трактат» Витгенштейна не стал для Венского кружка ни главным или программным текстом, ни тем более библией. К моменту знакомства с «Трактатом» концепция научного миропонимания была уже практически сформулирована, уже существовал набросок «Логического построения мира», т.е. была реализована в общих чертах программа Маха – Рассела. Афоризмы «Трактата» были обременены неприемлемыми для кружковцев метафизикой и мистикой. Можно, пожалуй, говорить лишь о том, члены шликковского кружка нашли в нем яркое и резкое выражение некоторых собственных идей или же «интуитивные озарения», которые были переработаны для целей собственной научной концепции: 1) доведение Витгенштейном критики традиционной философии¹⁷ до высказывания о том, что в метафизических высказываниях отсутствует смысл; 2) мысль о новой задаче философии, которая виделась Витгенштейну¹⁸ в «логическом прояснении мыслей», предложений («Трактат». 4.111, 4.112), а Карнапу – в логическом анализе языка; 3) мысль о прямой связи структуры языка со структурой реальности, которую принял Шлик и отвергли Карнап и Нейрат; 4) мысль о существовании «высказываний о высказываниях»; 5) идея о том, что «предложения логики суть тавтологии» («Трактат». 6.1), решившая вечную проблему эмпиризма. Шлик потом их истолкует как *правила* преобразования научных предложений. Считалось, что эта идея принадлежит именно Витгенштейну и именно она оказала решающее влияние на формирование концепции Венского кружка. Но К. Менгер, присоединившийся к Венскому кружку в 1927 г., исследовал и другой подход к тавтологиям, вне таблиц истинности, предложенных Витгенштейном, а именно введение логиком Эмилем Л. Постом тавтологий и противоречий посредством позитивных и негативных функций в рамках пропозиционального исчисления Г. Фреге. Студентом Фреге был и Р. Карнап, значит, этот подход к тавтологиям был известен и ему. Иными словами, эта идея уже существовала, обсуждалась, и члены Венского кружка пусть иным путем, но пришли бы к этой необходимой для их концепции идее.

Чтение и обсуждение «Трактата» Витгенштейна, состоявшееся в основном благодаря рекомендации Рассела, послужило интересным материалом для более четкой формулировки как индивидуальных точек зрения, так и общей «платформы», но в целом «Трактат» Витгенштейна не оказал влия-

ния на миропонимание и деятельность Венского кружка. Более того, полагаю, что именно анализ афоризмов «Трактата», проделанный Венским кружком, и сделал этот текст понятным и известным мировому философскому сообществу как концепция Витгенштейна¹⁹.

Примечания

¹ Швырев В.С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М.: Наука, 1966. С. 9.

² Козлова М.С. Философские искания Л. Витгенштейна: Предисловие к двухтомному изданию: *Витгенштейн Л.* Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. X–XI. О жизни и творчестве Витгенштейна, о его влиянии на логический позитивизм см. также: Козлова М.С. Философия и язык. М., 1972.

³ Никифоров А.Л. Философия науки: история и теория. М.: Идея-Пресс, 1998.

⁴ Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высш. шк., 2006.

⁵ См.: Назарова О.А. Предисловие к изданию: Журнал «Erkenntnis» («Познание»). М.: Идея-Пресс: Издательский дом «Территория будущего», 2007.

⁶ Mach E. Beiträge zur Analyse der Empfindungen, 1900. – Max Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 1908; Mach E. Erkenntnis und Irrtum. Skizzen zur Psychologie der Forschung, 1905. – Max Э. Познание и заблуждение. М., 1909.

⁷ Frank Ph. Modern Science and its Philosophy. Cambridge, Mass., 1949.

⁸ В 1911 г. Шлик завершил учебу в Университете Ростока, представив исследование на тему «Сущность истины согласно современной логике».

⁹ Feigl H. The Wiener Kreis in America // The Intellectual Migration 1930–1960 / D. Fleming, B. Baylin (eds). Cambridge, Mass., 1969.

¹⁰ Профессионалом Витгенштейн стал, пожалуй, только в технике: он изучал механику в Высшей технической школе Берлина, потом в 1908–1911 г. специализировался как исследователь-конструктор в техническом университете Манчестера (Англия)... В начале 1912 г. он отправился в Кембридж и стал студентом Тринити-колледжа. Через полтора года Витгенштейн прервал свое обучение на год (1913–1914) и уехал в Норвегию, потом ушел на фронт и написал «Трактат». Прочитав предисловие Рассела к «Трактату», Витгенштейн решил, что его труд никто не понял, и забросил философию на 9 лет. Потом вдруг опять вернулся в Кембридж с совершенно новыми идеями. Такая свобода передвижений Витгенштейна, полагаю, стала возможной, прежде всего, благодаря его аристократическому происхождению и богатству, что делало его, в частности, (вообще заметным и) близким мыслителю-аристократу Б. Расселу.

¹¹ Feigl H. Unveroeffentliches Interview. Materialien Mulder. Vienna Circle Foundation/Wiener-Kreis-Archiv Haarlem (NL), 1964, I.

¹² См.: Carnap R. Der Raum. Ein Beitrag zur Wissenschaftslehre. Berlin, 1922; Dreidimensionalität des Raumes und Kausalität. Eine Untersuchung über den logischen Zusammenhang zweier Fiktionen // Annalen der Philosophie und philosophischen Kritik, 1924. S. 105–130; *Physikalische* Begriffsbildung. Karlsruhe, 1926; Reichenbach H. Die Einsteinsche Raumlehre // Die Umschau 24. 1920. S. 402–405; *La signification* philosophique de la théorie de la relativité // Revue Philosophique de la France et de l'Étranger 94. 1922. P. 5–61; *Axiomatik* der relativistischen Raum-Zeit-Lehre. Braunschweig, Vieweg, 1924; *Metaphysik und Naturwissenschaft* // Symposion 1. 1925. S. 158–176; *Wahrscheinlichkeitsgesetze und Kausalgesetze* // Die Umschau 29. 1925. S. 789–792.

¹³ См. обзор этого замысла в виде оглавления и введения к «Логическому построению мира» (Журнал «Erkenntnis» («Познание»). М.: Идея-Пресс; Издательский дом «Территория будущего», 2007. С. 75–95): «В отношении своих методов настоящее конструктивное исследование отличается, главным образом, тем, что в нем предпринята попытка соединить два научных направления, которые до сих пор развивались отдельно друг от друга. С представленной здесь точки зрения, только их объединение дает возможность сделать значительный шаг вперед в развитии науки. Рассел и Уайтхед построили логику

(символическую логику) таким образом, что теперь у нас имеется теория отношений, которая позволяет рассмотреть почти все проблемы чистого учения о порядке. С другой стороны, в новейшее время был поставлен и отчасти разрешен вопрос о сведении «реальности» к «чувственно данному» Авенариусом, Махом, Пуанкаре, Кюльпе и прежде всего Циеном (Ziehen) и Дришем (упомяная только некоторые имена). Теперь эту *теорию отношений нужно применить для анализа реальности* с тем, чтобы представить логическую формулировку конструкционной системы понятий. Нужно более четко задать базис этой системы и попытаться с помощью имеющихся логических форм построить систему понятий на этом базисе (хотя бы только в общих чертах)».

¹⁴ Menger K. Introduction // Hahn H. Empiricism, Logic, and Mathematics. Philosophical Papers. / Brian F. McGuinness (ed.). Wien, 1980. P. IX–XVIII. Были предприняты попытки установить контакты с квазимистическим автором (посредством писем с конца 1924 г. и личных контактов с начала 1927 г.). «Однако сам Шлик после их первой встречи в 1927 г. рассказывал о своем впечатлении в следующих словах: «Каждый из нас подумал, что другой, должно быть, сумасшедший» (Engelman P. Letters from L. Wittgenstein. P. 118).

¹⁵ The Philosophy of Rudolf Carnap / Schilpp P. A. (ed.). La Salle, Ill. 1963.

¹⁶ Neurath O. Le developpement du Cercle de Vienne et l'avenir de l'empirisme logique // Actualites scientifiques et industrielles. 290. Paris, 1935.

¹⁷ См.: Карнап Р. Логическое построение мира // Erkenntnis (Познание). М.: Идея-Пресс: Издательский дом «Территория будущего», 2007: «Как только начинают предъявлять к философии требование научной строгости, так с необходимостью приходят к выводу о том, что *нужно исключить метафизику из философской области*, ибо ее утверждения не допускают рационального обоснования. Каждое научное положение должно быть рационально обосновано. Однако это не означает, что научные идеи возникают благодаря рациональному рассуждению. Важнейшие принципы и новые пути исследования открываются не размышлением, а чувством, интуицией, талантом. Это верно не только для философии, но и для самых строгих наук – для математики и физики. Но решающим является следующее: для обоснования своих положений физик обращается не к иррациональным вещам, а к эмпирико-рациональным аргументам».

Витгенштейн Л. «Логико-философский трактат». 4.003: «Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь устанавливать их бессмысленность. Большинство предложений и вопросов философа коренится в нашем непонимании логики языка».

¹⁸ См. мнение Макса Блэка, высказанное на страницах журнала «Erkenntnis» в статье «Взаимосвязи между логическим позитивизмом и кембриджской школой анализа» (Black M. Relations between Logical Positivism and the Cambridge School of Analysis // Erkenntnis. 1939–1940. Bd. VIII. S. 24–36): «Логический позитивизм обязан (в особенности благодаря посредничеству Витгенштейна) в большей мере, чем это признается, влиянию Дж. Мура в пропагандировании философского стиля, который может быть сформулирован как убеждение в том, что “все, что может быть сказано, может быть сказано просто и ясно в любом цивилизованном языке или с помощью подходящего символического языка, и что словесная неясность практически всегда есть признак неясности мыслей”» (цит. по: C.D. Broad. Contemporary British Philosophy. 1, 81). Ср.: Л. Витгенштейн. Трактат. 4.116: «Все, что вообще мыслимо, можно мыслить ясно. Все, что поддается высказыванию, может быть высказано ясно».

¹⁹ Сошлемся на мнение Б. Рассела о рукописи Витгенштейна «Bemerkungen»: «Теории, содержащиеся в этой новой работе Витгенштейна, обладают новизной, очень оригинальны и, несомненно, важны. Истинны ли они, этого я не знаю. Как логик, который любит простоту, я хотел бы пожелать, чтобы они не были таковыми, но из того, что я прочитал, я с полной уверенностью могу сказать, что он должен иметь возможность для их разработки, *поскольку в случае завершения вполне может оказаться* (курсив мой. – О.Н.), что они составляют целую новую философию» (цит. по: Wright G.H. von. Wittgenstein. P. 26).